

© 1996 г. А.В. БОНДАРКО

ТЕОРИЯ ИНВАРИАНТНОСТИ Р.О. ЯКОБСОНА И ВОПРОС ОБ ОБЩИХ ЗНАЧЕНИЯХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ

1. АСПЕКТЫ ПОНЯТИЯ ИНВАРИАНТНОСТИ

1.1. Понятие инвариантности трактуется в трудах Р.О. Якобсона как одно из основополагающих понятий в развитии языкознания. По мысли ученого, значимость проблемы инвариантности выходит далеко за пределы лингвистики. Задача "извлечения из потока вариаций относительно инвариантных сущностей" рассматривается как интердисциплинарная тенденция. Говоря о том, что эта тенденция четко проявилась в 70-х гг. прошлого века как в лингвистике, так и в математике, Р.О. Якобсон соотносит понятие инвариантности с идеей относительности: эта идея вместе с ее следствиями трактуется как "обратная сторона понятия инвариантности" [Якобсон 1985а: 307, 310]. Лингвистика разделяет с биологией тот взгляд, согласно которому "стабильность" и вариативность заложены в одной и той же структуре и имплицитно друг друга [Якобсон 1985б: 395–396].

Р.О. Якобсон выделяет в лингвистике два этапа исканий, связанных с понятием инвариантности. Первый этап сопряжен с учением о фонеме как инварианте в плоскости звуковых вариаций, второй – с установлением и истолкованием инвариантов грамматических [Якобсон 1985в: 177].

С соотношением инвариантности/вариативности тесно связано истолкование Р.О. Якобсоном проблемы эквивалентности при существовании различия. Эта "кардинальная проблема языка и центральная проблема лингвистики" охватывает три способа интерпретации вербального знака, которым соответствуют три типа перевода: 1) внутриязыковой перевод – интерпретация вербальных знаков посредством других знаков данного языка; 2) межъязыковой перевод – интерпретация вербальных знаков посредством иного языка; 3) межсемiotический перевод – интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем [Якобсон 1985г: 362–363].

Принцип инвариантности/вариативности в теории Р.О. Якобсона распространяется на соотношение языкового кода и различных подкодов как функциональных вариантов языка, включая вариативность степени эксплицитности/эллиптичности языковых моделей, вариативность стилей и вариативность типов речи [Якобсон 1985 б: 381].

Идея инвариантности в ее соотношении с вариативностью распространяется на всю языковую систему, рассматриваемую в ее проявлениях в речи, во взаимодействии со всем тем, что выходит за пределы языка, но оказывается существенным для его функционирования. Постоянное и всеобщее взаимодействие инвариантов и вариантов является "существенным, сокровенным свойством языка на всех его уровнях" [Якобсон 1985 а: 310].

По мысли Р.О. Якобсона, маркированность/немаркированность и вариативность/инвариантность – две дихотомии, нерасторжимо связанные с сутью и назначением языка [Там же: 310]. Эти дихотомии тесно связаны друг с другом общим принципом единства и целостности системной характеристики рассматриваемых отношений.

Максимально широкое истолкование отношения инвариантности/вариативности,

распространение этого отношения на всю сферу языка и речи – в строении языковой системы и в функционировании ее элементов – влечет за собой внутреннюю дифференциацию аспектов анализа, проводимого в рамках единого концептуального поля.

Идея инвариантности раскрывается в трудах Р.О. Jakobsona в двух основных аспектах. Первый аспект можно назвать *внутрисистемным*. Речь идет об инвариантности значимостей языковых знаков и отношений между ними – оппозиций – в системе значимостей [Jakobson 1985д: 67, 83]. Второй аспект – *функциональный*: имеется в виду инвариантность значимостей в системе языковых знаков, являющаяся основой целевого (функционального) подхода к языку и его единицам; актуален вопрос "для чего служат варианты?" [Jakobson 1985б: 373]. Эти аспекты соотношения инвариантности/вариативности интегрируются в целостной системно-функциональной концепции. Раскрывается подход к языку ("с его реляционными инвариантами и многочисленными контекстуальными и стилистическими вариациями"), при котором "язык не может интерпретироваться как изолированное и герметически закрытое целое" [Jakobson 1985е: 303–304]. Признается необходимым анализ, принимающий во внимание как код, так и контекст [Там же: 304–305].

Внутрисистемный аспект понятия инвариантности в рассматриваемой концепции явно доминирует, однако он всегда выступает в соотношении с аспектом функциональным (подобно тому, как само понятие инвариантности неразрывно связано с понятием вариативности).

1.2. Осмысляя понятие инвариантного (общего) значения в грамматике, Р.О. Jakobson неоднократно ссылается на труды ученых, так или иначе затрагивавших проблему семантической характеристики грамматических форм (см., в частности, ссылки на работы А.Х. Востокова, К.С. Аксакова, Н.П. Некрасова, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, С.И. Карцевского, Л. Ельмслева).

Концепция общих грамматических значений уже на первоначальных этапах ее формирования отличалась критической направленностью по отношению к описаниям отдельных значений и употреблений. Так, К.С. Аксаков критиковал подход к определению значений падежных форм, основанный на исчислении отдельных употреблений падежей в речи. В частности, он писал: "Полное исчисление случаев невозможно. Наиболее полное исчисление все также сбивает, ибо это все частные случаи употребления, не только скрывающие общий закон, но часто противоречащие друг другу..." [Аксаков 1860: 82]. Значение формы рассматривается им как ее внутренняя сущность, как закономерность, разные стороны которой проявляются в отдельных употреблениях. Как пишет К.С. Аксаков, "...падежи имеют свой самостоятельный смысл, обнаруживающийся при всяком случае разными сторонами... и потому могут и должны рассматриваться сами в себе, а не только в употреблении; следовательно, должны быть поняты с этой точки зрения, даже и вне синтаксиса, в котором, конечно, как в живой речи, полнее выступает смысл и падежей и всех грамматических изменений" [Там же: 83].

Дальнейшее развитие концепции общих значений было сопряжено с анализом системных соотношений форм, объединяемых определенной грамматической категорией. Речь идет о том, что позднее рассматривалось на основе теории оппозиций. Ф.Ф. Фортунатов концентрировал внимание на связи между отдельными значениями грамматической формы, выделяя тот признак, который является для них общим. Так, определяя значения форм перфективного и имперфективного вида в общеевропейском языке, он писал: "...первая обозначала данный признак в полноте его проявления во времени, а вторая не имела этого значения, т.е. обозначала тот же признак без отношения к полноте его проявления во времени" [Фортунатов 1956: 161]. Заметим, что здесь, как и в ряде других случаев, при анализе грамматических категорий Ф.Ф. Фортунатовым реализован принцип корреляции, иначе говоря, привативной оппозиции, предполагающей соотношение семантической маркированности/немаркированности (при том, что он не употребляет этих терминов). В других случаях Ф.Ф. Фортунатов использовал принцип экvipолентной оппозиции. Например, рассмат-

ривая значения временных форм, он наделял каждую из них собственным значением [Там же: 160]. Говоря о реализации принципа привативной оппозиции, сошлемся также на определение видовых значений, сформулированное А.А. Шахматовым: "Несовершенный вид означает обычное, неквалифицированное действие-состояние, совершенный вид означает полноту проявления действия-состояния" [Шахматов 1941: 472].

1.2. Понятие общего значения в интерпретации Р.О. Jakobsona – это один из основных элементов учения о системе языка и о языковых знаках. Общее значение связывается с представлением о единстве грамматической формы – понятием, "без которого распалось бы учение о формах". Отказ от этого понятия приводит к тому, что "теряется связь между знаком и значением и вопросы значения несправедливо исключаются из области учения о знаке" [Jakobson 1985ж: 133–134].

Тезис о системной основе грамматической инвариантности противопоставлен "безграничному и бесплодному атомизированию языковых данных". Этот альтернативный подход Р.О. Jakobson связывает с работами ученых, стоящих на позиции отрицания общих значений в грамматике [Там же: 133–135].

Р.О. Jakobson как бы восстанавливает системное значение формы (категории как элемента грамматической системы), ставя вопрос о том, что в инвариантном отношении между двумя противопоставленными морфологическими категориями остается неизменным при всей изменчивости вариантов: "Решающая процедура научного исследования различных уровней языковой структуры состоит в последовательном выявлении и идентификации относительных инвариантов из всего многообразия вариаций" [Jakobson 1985: 310].

Проводимый анализ направлен на восстановление глубинных значимостей на основе выступающих "в конкретной лексической и синтаксической обстановке" вариантов. В этом смысле можно сказать, что в осмыслении общих и частных значений грамматических форм фактически выявляется принцип двухуровневого анализа грамматической семантики. Мы имеем в виду самую общую идею соотнесения конкретных явлений, выступающих в речи, и глубинных закономерностей, заложенных в языковой системе, – тех закономерностей, которые не лежат на поверхности и должны быть "выведены" в результате анализа, выявляющего в вариантах инвариантную основу. Элементы таких представлений заложены уже в языкознании XIX в. (ср. концепции А.К. Аксакова [Аксаков 1875] и Н.П. Некрасова [Некрасов 1865]). Идея соотнесения "скрытого общего закона" и "лежащих на поверхности" отдельных проявлений этой общей закономерности давно вызревала, выступая в разных направлениях языкознания в разных воплощениях. Одна из разновидностей анализа, соотносящего глубинные языковые сущности и их "поверхностные" проявления – разновидность, не теряющая своей актуальности и в наши дни, – представлена в теории инвариантности Р.О. Jakobsona.

Поиск глубинного единства значения формы как языкового знака распространяется и на те случаи, когда "на поверхности" выступают, казалось бы, далекие друг от друга значения (например, значения родит. или творит. падежа). Во всех случаях Р.О. Jakobson ищет внутреннюю системно-языковую значимость (примечательна ссылка на понятие *valeur* в истолковании Ф. де Соссюра), которая объединяет значения-варианты.

Ссылаясь на суждения Ф. де Соссюра о соотношении оси последовательности с осью одновременности, которая объединяет единицы в мнемонический, воображаемый класс, Р.О. Jakobson пишет о том, что "...именно этот условный класс, эта скрытая система является источником оппозиций, необходимых для образования знака" [Jakobson 1985д: 84]. Примечательно, что оппозиции связываются с понятием "скрытой системы". Это имеет отношение и к общим значениям как значимостям, устанавливаемым в системе оппозиций.

Инвариантность в сфере морфологии трактуется как инвариантное отношение, не зависящее от появления грамматических форм в той или иной лексической и

синтаксической обстановке [Якобсон 1985в: 177]. Подчеркнем важность замечания о лексической и синтаксической обстановке. Здесь представлено то обобщение разных типов факторов, воздействующих на языковую систему и ее элементы, которое, на наш взгляд, близко к тому, что в общей теории систем связывается с понятием среды.

Понятие общего значения Р.О. Якобсон использует при анализе грамматических категорий разных типов. В частности, речь идет о категориях *шифтерах*, соотносящих сообщаемый факт с фактом сообщения. Не соглашаясь с точкой зрения, согласно которой местоимения и другие шифтеры не имеют общего, постоянного значения, Р.О. Якобсон распространяет понятие общего значения и на шифтеры. Так, "я" обозначает отправителя, а "ты" – адресата сообщения. Специфика шифтеров заключается в том, что их общее значение не может быть определено без ссылки на сообщение [Якобсон 1972: 97–98]. Заметим, что выделение шифтеров как особого типа общих значений лишний раз подтверждает необходимость разработки типологии общих значений – выделения их типов и разновидностей на основе различных дифференциальных признаков.

Общие значения в интерпретации Р.О. Якобсона – это прежде всего значения грамматические, однако в некоторых случаях понятие общего значения используется и по отношению к лексике. Предметом анализа являются лексические значения слов, рассматриваемых в их функционировании, в частности, в поэтической речи. Ср., например, суждения об общем значении слова *nevermore* (речь идет о рефрене стихотворения Эдгара По "Ворон") и его окказиональных, контекстно обусловленных значениях [Якобсон 1985д: 30–31]. Не только в сфере грамматики, но и в сфере лексики признается возможность противопоставления означаемых по принципу маркированности/немаркированности [Якобсон 1985з: 226; 1987: 169–170].

Интерпретация общих значений, выходящая в некоторых фрагментах анализа за пределы грамматики, – одно из проявлений общей ориентации теории, оперирующей понятиями инвариантности/вариативности и маркированности/немаркированности, на языковую систему в целом, рассматриваемую в ее живом функционировании в разных типах речи.

Использование понятия общего значения как единственно возможного типа структуры грамматических значений наталкивается на сопротивление языкового материала. В ряде случаев множественность значений грамматической формы явно не укладывается в схему общего значения, ср., например, значения родит. и творит. падежей (см. об этом [Бондарко 1978: 134–136]). Следует, однако, подчеркнуть значимость и непреходящую актуальность концепции Р.О. Якобсона для осмысления проблемы семантической инвариантности в грамматике. Если даже избирается иной подход к семантической характеристике грамматических форм, а именно, подход, базирующийся на принципе множественности типов структурной организации рассматриваемых значений, теория Р.О. Якобсона постоянно воздействует на осмысление всего круга обсуждаемых вопросов и стимулирует дальнейшие поиски возможных решений.

1.3. Согласно теории Р.О. Якобсона, общее значение грамматической формы устанавливается в морфологических корреляциях. Понятие "корреляция", как отмечает Н.С. Трубецкой, было предложено и определено Р.О. Якобсоном [Трубецкой 1960: 95–96] (сам Н.С. Трубецкой определяет корреляции как привативные пропорциональные одномерные оппозиции [Там же: 94–95]). Маркированный член корреляции указывает на наличие определенного признака (А), тогда как немаркированный не указывает на наличие данного признака, т.е. не свидетельствует о том, присутствует А или нет. Общее значение немаркированного члена корреляции, таким образом, ограничивается отсутствием "сигнализации А" [Якобсон 1985и : 210]. Ср. другой вариант определения данного соотношения: "один из членов указывает на наличие определенного признака, а другой (беспризнаковый, немаркированный, нулевой член) – не указывает ни на наличие признака, ни на его отсутствие" [Якобсон

1985з : 224]. Так, формы совершенного вида в противоположность формам несовершенного вида указывают абсолютную границу действия [Якобсон 1985и : 213].

Интерпретация принципа привативной оппозиции (корреляции) в трудах Р.О. Якобсона оказала существенное влияние на развитие грамматической теории (ср., в частности, исследование категорий вида и времени). Вместе с тем в ряде работ отстаивался тезис о том, что помимо привативных оппозиций существенную роль в структуре грамматических категорий играют оппозиции эквиполентные (см. [Бондарко 1971: 85–94]; здесь же приведена литература вопроса). Однако понятие привативной оппозиции в интерпретации Р.О. Якобсона неизменно остается предметом пристального внимания исследователей, обращающихся к данному кругу проблем (ср. [Плунгян 1992: 24–63]).

Возникает вопрос: почему Р.О. Якобсон выделил именно морфологическую корреляцию, т.е. пропорциональную одномерную привативную оппозицию, в которой различаются маркированный и немаркированный члены, как единственный тип отношений компонентов грамматических категорий? Думается, что основания для некоторых предположений можно найти в характеристике привативных оппозиций, данной Н.С. Трубецким. Он писал: "Из всех возможных логических отношений между двумя фонемами привативное отношение выделяется благодаря тому, что наличие или отсутствие известных признаков данных фонем обнаруживается в ней самым очевидным образом. Вот почему анализ фонологического содержания фонем, выступающих членами привативных оппозиций, оказывается наиболее легким. Наоборот, труднее всего анализировать фонологическое содержание фонем, которые являются членами эквиполентной оппозиции" [Трубецкой 1960 : 93–94]. По существу в этой характеристике привативных оппозиций в сфере фонологии содержатся элементы, сопоставимые с тем, что в современных работах связывается с понятием *прототипа*. Привативная оппозиция как "ясный случай", "типичный пример", в котором находят наиболее четкое воплощение специфические признаки оппозиций, может рассматриваться как оппозиция прототипическая.

Конечно, нельзя переносить сказанное Н.С. Трубецким по поводу привативных оппозиций в сфере фонологии на концепцию Р.О. Якобсона (ту ее часть, которая включает интерпретацию морфологических корреляций). Однако общность базисных принципов того направления структурной (структурно-функциональной) лингвистики, к которому принадлежат концепции Н.С. Трубецкого и Р.О. Якобсона, позволяет сформулировать некоторые предположения. Можно думать, что Р.О. Якобсон выделил морфологическую корреляцию, характеризующуюся соотношением семантически маркированного и немаркированного членов, как своего рода эталон (*прототип*) оппозитивного отношения в сфере морфологии. В этом эталоне представлено ядро системности грамматических категорий. В соотношении членов морфологических корреляций наиболее полно и четко проявляются признаки противопоставленных друг другу форм и их системных связей. Возможность нейтрализации оппозиции по определенному признаку подчеркивает целостность анализируемых систем.

Существует принципиальное единство подхода к анализу грамматических категорий на основе понятий общего значения и маркированности/немаркированности. В интерпретации обоих понятий проявляется принцип единственного и инвариантного эталона (прототипа). Оба понятия демонстрируют единство языкового знака и единство отношения оппозиции в анализируемых системах.

В комплексе понятий общего значения и привативной оппозиции проявляется единство разных сторон идеи инвариантности: инвариантность общих значений сочетается (согласуется) с инвариантностью отношений, в которых устанавливаются эти значения. Единый (и единственный) тип значений грамматических форм соотносится с единым (единственным) типом оппозиций. Исключается как множественность структурных типов грамматических значений, так

и множественность типов оппозиций. Принцип "прототипической инвариантности" проводится последовательно и бескомпромиссно.

Противоположность принципов "общее значение – привативная оппозиция" и "множественность возможных структурных типов грамматических значений – множественность типов оппозиций" нельзя абсолютизировать. Между рассматриваемыми подходами, конечно, существует значительное различие, но нет неразрешимого, непреодолимого противоречия. Перед нами одно из характерных проявлений принципа интеграции в развитии научных идей. То, что в теории Р.О. Jakobsona выступает как общая, абсолютная и инвариантная закономерность, при ином, менее жестком подходе к грамматическим значениям и оппозициям в грамматике не отвергается, а рассматривается как один из возможных структурных типов грамматических значений и один из типов оппозиций. При этом характеристика грамматических инвариантов и отношений маркированности/немаркированности, данная Р.О. Jakobsonом, сохраняет свою концептуальную значимость как осмысление того, что может рассматриваться как прототип, "наиболее ясный случай". Сравнение с этим эталоном системности дает возможность более четко охарактеризовать те структурные типы грамматических значений и те оппозиции, которые отличаются от эталона. Осмысление абсолютной инвариантности помогает определить специфические признаки инвариантности относительной. Во всех случаях оказывается полезной "проверка на соответствие эталону инвариантности".

Заметим, что при анализе категориальных значений должны быть приняты во внимание не только оппозиции (привативные и эквивалентные), но и неопозитивные различия, выходящие за пределы единого основания для членения; ср. соотношение изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений, соотношение форм 1-го, 2-го и 3-го лица (подробнее об этом см. [Бондарко 1981]).

2. ВОПРОС О МНОЖЕСТВЕННОСТИ СТРУКТУРНЫХ ТИПОВ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

2.1. Анализ, базирующийся на понятии общего значения, как известно, представляет собой лишь один из существующих подходов к семантической характеристике грамматических форм. В лингвистической литературе могут быть выделены три разновидности описания грамматических значений: а) определение единого "общего значения" ("Gesamtbedeutung", "general meaning"), трактуемого как инвариант, охватывающий все частные значения и типы употребления грамматической формы (варианты); б) анализ, опирающийся на понятие "основного значения" ("Grundbedeutung", "basic meaning"), выделяемого на фоне ряда периферийных (вторичных) значений и типов употребления данной формы; в) описание комплекса отдельных значений и употреблений грамматических форм.

Принцип множественности возможных типов структурной организации грамматических значений по существу (хотя и в других терминах) был четко сформулирован А.М. Пешковским. Он писал: "Объединение... форм со стороны значения может осуществляться при помощи 1) единого значения, 2) единого комплекса однородных значений, 3) единого комплекса разнородных значений, одинаково повторяющихся в каждой из форм" [Пешковский 1956 : 27].

2.3. Как уже говорилось выше, понятие общего значения связано с идеей инварианта, охватывающего все частные значения и употребления данной формы. Ср., например, "участие говорящего" как инвариантное значение местоименных и глагольных форм 1-го лица. "Общие значения" определяются на основе значимости грамматической формы в системе форм, конституирующих данную грамматическую категорию. Это инвариантное категориальное значение отличает выражающую его форму от других форм и детерминирует системную основу различных частных значений и употреблений в речи, представляя то, что их объединяет.

Понятие основного значения также связано с идеей инвариантности, однако в данном случае инвариантность оказывается ограниченной определенной – центральной – сферой употребления грамматической формы. Те или иные периферийные значения и типы употребления остаются за пределами этой сферы.

Например, у форм типа *напишу, сделаю* и т.п. выделяется основное значение будущего времени (*Я напишу*). Вместе с тем эти формы могут употребляться и при выражении в высказывании значения неактуального настоящего (настоящего времени повторяющегося, обычного и "вневременного" действия), например: *Чего же тут смешного, когда человек падает? И почему так заведено, что у п а д е т человек, а остальные смеются?* (А. Рекемчук. Молодо-зелено). Как основное темпоральное значение данной формы рассматривается только отнесенность действия к будущему. Именно это значение характеризует место анализируемой формы в системе времен глагола. Зависимость данного значения от контекста минимальна (достаточно отсутствие особых условий, создающих возможность употребления рассматриваемой формы в значении настоящего неактуального, чтобы было выражено значение будущего времени; достаточен минимальный и даже "нулевой" контекст: – *Я вернусь* и т.п.).

Основное значение, как и общее значение, является системным, категориальным. При анализе функционирования определенной грамматической формы выделяется значение, которому приписывается системная значимость: оно трактуется как занимающее определенное место в системе грамматических форм, представляющих данную грамматическую категорию.

Важно учесть, что термин "основное значение" употребляется в лингвистической литературе в двух смыслах, между которыми необходимо проводить различие. С одной стороны, основное значение соотносится с общим значением как разные структурные типы категориальных значений грамматических форм. С другой стороны, основное значение выступает в ряду частных значений данной формы, представляя собой главное среди прочих частных значений. Иначе говоря, в первом случае основное значение трактуется как один из типов семантической характеристики грамматических форм (наряду с общими значениями); при таком подходе основное значение не является разновидностью какого-то общего значения, "стоящего над ним". Ср. рассуждение о том, что у формы простого будущего в русском языке можно установить основное значение (значение отнесенности действия к будущему), но нельзя сформулировать общее значение как инвариант, который охватывал бы все употребления данной формы. Во втором случае речь идет об основном значении как о главном среди прочих вариантов общего значения. Например, конкретно-фактическое значение совершенного вида трактуется как основное по отношению к другим частным значениям этой формы (наглядно-примерному, потенциальному и суммарному); данное основное значение является одним из вариантов общего значения совершенного вида, характеризующегося признаками целостности и ограниченности действия пределом. Разумеется, в принципе было бы целесообразно по отношению к разным смыслам использовать разные термины, но пока реальная картина именно такова: сочетание "основное значение" используется в обоих смыслах. Интерпретация данного термина устанавливается по контексту (который обычно достаточно ясно указывает на то, о чем идет речь).

При описании основных значений грамматических форм нередко выделяются диативные признаки, образующие определенную систему. Тем самым относительная инвариантность в рамках основного значения соотносится с системой вариативности (ср. [Leech 1971 : 9–12]).

Существуют различные интерпретации основного значения. Так, по мнению Э. Дала, это понятие может интерпретироваться либо экстенционально, либо интенционально. В первом случае сфера, охватываемая данным понятием, членится на отдельные регионы, причем один из них трактуется как "основной" или

"первичный" по отношению к другим. С точки зрения "экстенциональной перспективы" "вторичное значение" (или употребление) может быть истолковано как нечто находящееся за пределами "фокуса". Во втором случае (при интенциональной интерпретации понятия основного значения) выдвигается постулат, согласно которому значение языковой единицы состоит из нескольких компонентов (признаков), из которых один или некоторая часть трактуется как первичное или основное значение по отношению к остальным – вторичным. Такой подход используется в тех случаях, когда выделяются "доминантные" параметры. Например, по мнению автора, хотя первичное употребление английского *future tense* включает как "футуральную референцию", так и "интенцию", основным значением в смысле доминантного параметра является лишь "футуральная референция" (см. [Dahl 1985 : 9–11, 103–112]).

В ряде современных работ понятие основного значения трактуется как *прототипическое значение* (*prototype meaning*). Так, по мнению Б. Комри, основное значение скорее может быть определено как прототип, т.е. "наиболее характерный случай" ("the most characteristic instance"). Признавая понятие общего значения возможной основой анализа, Б. Комри отдает предпочтение "более подвижному подходу", который связывается с понятием основного значения (*basic meaning*). Этот подход, по его мнению, способствует более точной характеристике языковой системы [Comrie 1985: 19].

Теория прототипов предполагает, что категории вообще выступают в "лучших примерах" ("categories, in general, have best examples"), называемых прототипами [Lakoff 1988: 7] (ср. [Лакофф 1988: 31–51; Демьянков 1995: 273–277]). Наиболее репрезентативное значение среди значений грамматической формы ("лучший пример" в семантической сфере, охватываемой данной формой) может рассматриваться как прототипическое значение. Например, актуальный презент во многих языках представляет собой наиболее репрезентативное из значений формы настоящего времени. Ср. точку зрения, согласно которой прототипический субъект – это агенс и в то же время тема (*topic*) [Там же: 64–65]. Такие понятия, как "степень прототипичности" ("degree of prototypicality") [Там же: 44] применяются и по отношению к иерархии значений и употреблений. Прототипические определения используются, в частности, при характеристике степени удаленности (от момента речи или другой исходной точки отсчета) при употреблении форм прошедшего и будущего времени [Comrie 1985: 22–23, 83–101].

Отношение "основное значение – другие значения данной формы", рассматриваемое в разных терминах, в том числе и в терминах теории прототипов, по многим признакам сходно с оппозицией "центр – периферия" в трактовке представителей Пражской школы [Тгавах... 1966] и в теории полевой структуры (в частности, в интерпретации В.Г. Адмони). Центр семантического поля, образуемого данной грамматической формой, интегрирует наиболее характерные признаки этой семантической сферы (см. [Адмони 1988: 28–29]).

2.4. Обратимся к последнему из упомянутых выше типов семантической характеристики грамматических форм. Разновидность описания значений, основанная на принципе грамматической полисемии и находящая выражение в описании определенного комплекса значений данной формы и типов ее употребления, широко представлена во многих традиционных грамматиках; ср. такие функции, как *genitivus partitivus*, *genitivus subjectivus*, *genitivus objectivus*, *dativus commodi* и т.п. Такой подход к семантической характеристике грамматических форм может быть теоретически противопоставленным идее общих значений в грамматике. Так, А.А. Потебня, описывая значения и употребления форм творит. падежа в русском языке, замечает, что задача данного описания состоит в том, чтобы "на место отвлечения, называемого одним падежом, поставить более конкретные формальные значения, по возможности разграничить их между собою и показать их генетическую связь или ее отсутствие" [Потебня 1958 : 431]. Выделяется ряд значений творит. падежа, в частности, творительный социативный, творительный места, времени, ору-

дия и средства, творительный действующего предмета в страдательных конструкциях [Там же: 431–434].

Во многих работах речь идет о значениях и употреблении грамматической формы. На наш взгляд, между употреблением и периферийными значениями нет резкой грани. По существу в распоряжении лингвистов нет достаточно надежных критериев, при помощи которых можно было бы четко определить, в каких случаях перед нами вторичное (периферийное) значение, а в каких – употребление. Не случайно во многих работах можно встретить неопределенные выражения типа "вторичные значения или употребления". Интерпретация рассматриваемых понятий во многом зависит от исходной позиции исследователя и от целей грамматического описания. Если исходная точка зрения определяется "формоцентрическим принципом", то выявляется тенденция к использованию терминов типа "вторичное значение формы". Если же исходная позиция детерминирована задачей исследовать и описать прежде всего различные типы поведения изучаемых форм в речи, то предпочтение нередко отдается анализу в терминах типа "употребление", "функционирование". Частные значения и употребления (типы употребления) грамматических форм связывают систему языка с системой речи, где в полной мере реализуется взаимодействие языковой системы и среды (о соотношении системы и среды в языке и речи см. [Бондарко 1985]).

2.5. Упомянутые выше типы семантической характеристики грамматических форм по-разному интерпретируются лингвистами. Могут быть выделены два подхода, противопоставленных друг другу по следующему принципу: либо признается действительным лишь один из указанных типов, либо допускается возможность сосуществования разных типов. Иначе говоря, противостоят друг другу: 1) подход, основанный на принципе универсальности избранного типа семантической характеристики (сошлемся на концепцию общих значений в истолковании Р.О. Якобсона, а также на концепцию основного значения, или первичной функции в интерпретации Е. Куриловича [Курилович 1955; 1965 : 411, 429–432]); 2) подход к грамматическим значениям, базирующийся на принципе множественности возможных типов их структурной организации. Мы придерживаемся последнего из двух указанных направлений анализа.

2.6. Принцип множественности структурных типов грамматических значений получает в лингвистической литературе различные истолкования (ср. упомянутые выше подходы к основному значению). Далее мы остановимся на одной из существующих интерпретаций рассматриваемого принципа. Речь идет о грамматической концепции В.Г. Адмони.

В рамках данной концепции родовым понятием, охватывающим разные типы семантических структур, является обобщенное значение грамматических форм, трактуемое как система, имеющая полевою структуру. Полевое строение этой системы проявляется в том, что отчетливое и однозначное представление обобщенного значения присуще лишь части реализаций грамматической формы, тогда как у других реализаций данное значение "представлено нечетко, половинчато или даже вообще отсутствует" [Адмони 1988 : 28]. По мысли В.Г. Адмони, обобщенное значение может оказаться и общим значением грамматической формы, действительным для всех ее реализаций, однако такое совпадение рассматривается лишь как один из возможных типов обобщенного значения, а не как универсальное правило [Там же : 28]. Одно из проявлений полевой структуры обобщенного значения заключается в соотношении центра (доминанты системы), где сосредоточены специфические признаки данного значения, и периферии, характеризующейся разреженностью признаков, их неполнотой; важной особенностью полевой структуры являются также постепенные переходы, различные типы недисcretности и континуальности [Там же : 29].

Обобщенные значения грамматических форм представлены в теории В.Г. Адмони не в статической системе отношений (хотя аспект отношения, в частности оппозиции,

отнодью не исключается), а в системе построения, для которой характерно многообразие разноаспектных связей и форм взаимодействия [Адмони 1975; 1979 : 6–36; 1988 : 22–36]. Анализ этой системы, включающей и обобщенные значения грамматических форм, сопряжен с осмыслением процесса речевой коммуникации (в частности, используются такие понятия, как память говорящего и слушающего) [Адмони 1988 : 29–30]. Здесь мы находим одно из проявлений характерной для лингвистической концепции В.Г. Адмони направленности на выявление сложных связей между системой языка и системой речи (см. [Адмони 1994]). Актуальность этой проблемы для современной лингвистики не требует особых пояснений.

2.7. Итак, в отличие от широко распространенного истолкования понятий общего и основного значений, базирующегося на идее альтернативности, мы трактуем эти понятия, исходя из принципа множественности способов существования системных значений грамматических форм и множественности возможных типов их взаимодействия с лексической, синтаксической и контекстуальной средой.

Общие и основные значения могут сосуществовать даже в пределах одной и той же грамматической категории. Ср. общее значение форм сложного будущего времени типа *буду решать* и упомянутое выше значение будущего времени у форм типа *решу* – значение, которое трактуется нами как основное.

Понятия общего и основного значения отличаются друг от друга (как уже было отмечено выше, общее значение представляет собой инвариант, охватывающий все частные значения и употребления данной формы, тогда как основное значение не имеет "всеохватывающего" характера), но вместе с тем между ними есть и нечто общее. Сходство рассматриваемых понятий заключается в том, что в обоих случаях речь идет о значениях системных. Общее значение определяется как признак (комплекс признаков) данной формы, отличающий ее от других форм, репрезентирующих данную грамматическую категорию. То же характерно и для основного значения, с тем отличием, что в нем заключена не только обусловленность со стороны грамматической системы, но и некоторая зависимость от контекста и других разновидностей окружающей среды: должны существовать условия для реализации именно основного значения формы, а не какого-либо из ее периферийных значений.

Концепции общих и основных значений, на наш взгляд, отражают разные типы структуры грамматических значений, связанные с разными масштабами (степенями) инвариантности.

3. АБСОЛЮТНАЯ (НЕОГРАНИЧЕННАЯ) И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ (ОГРАНИЧЕННАЯ) ИНВАРИАНТНОСТЬ В СФЕРЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЗНАЧЕНИЙ

3.1. В сфере грамматических значений могут быть выделены два типа семантических инвариантов: 1) абсолютная (неограниченная) инвариантность общих значений, распространяющаяся на всю сферу функционирования данной формы; 2) относительная (ограниченная) инвариантность основных значений, охватывающая центральную сферу употребления грамматической формы, но не распространяющаяся на сферу периферийных употреблений; свойство относительной инвариантности распространяется и на комплексы основных значений (по отношению к вариантам в рамках каждого из значений, входящих в данный комплекс).

Отличительная особенность предлагаемой интерпретации рассматриваемого понятия заключается в том, что признаки инвариантности выявляются и за пределами общих значений – в той сфере, где данное категориальное значение не охватывает все случаи употребления данной формы. Распространение понятия инвариантности и на область основных значений и их комплексов существенно потому, что и в этой области сохраняется соотношение

общего и отдельного, типа и подтипов, вариантов, частных случаев. Иначе говоря, признание множественности структурных типов грамматических значений не означает отказа от принципа инвариантности/вариативности. Если инвариантность общих значений (та, которую имел в виду Р.О. Якобсон) является прототипической, то инвариантность основных значений, будучи ограниченной, относительной, представляет окружение прототипа (при обычной картине постепенных переходов между центром и периферией). Мы имеем здесь дело с явно выраженной полевой структурой.

3.2. Между абсолютной (неограниченной) и относительной (ограниченной) инвариантностью нет резкой грани. В некоторых случаях то значение грамматической формы, которое признается "общим", т.е. абсолютно инвариантным, все же не может быть безоговорочно признано действительным для всех без исключения разновидностей употребления данной формы. Общее правило, действительно доминирующее в сфере функционирования рассматриваемой грамматической единицы, все же может сочетаться с отдельными исключениями и "трудными случаями". Само понятие абсолютной инвариантности становится в известном смысле относительным.

Рассмотрим один из примеров. Значение форм типа *буду решать* – значение будущего времени – обычно трактуется (в том числе и нами) как общее. Для этого есть достаточные основания. И все же существуют отдельные периферийные типы употребления этой формы, в которых значение будущего четко не выражено. Налицо лишь модальные и экспрессивные оттенки, которые могут трактоваться как косвенные проявления ("следы") собственного значения формы при ее переносном употреблении. Например: – *Как же, из под наших гончих т р а в и т ь б у д е т ! За лисицу хватает!* (Л. Толстой. Война и мир). В таких случаях проявляется особый оттенок "злой воли", приписываемой говорящим некоторому субъекту. Ср. также: *Огромный будочник... гаркнул: "Всякая сволочь по ночам будет беспокоить!"* (В. Гиляровский. Москва и москвичи); – *А с вами я вообще не желаю разговаривать, – ответило кожаное пальто. – Еще секретари будут мне указывать...* (И. Меттер. Обида). В высказываниях такого рода передается возмущение говорящего, вызываемое несовместимостью типа субъектов, которому приписывается негативная оценка, и действия, на которое этот субъект посягает. В модальном и вместе с тем экспрессивном оттенке "посягательства" (злой воли) можно видеть следы связи с категориальным значением рассматриваемой формы, однако значение будущего времени четко не выражено. Подобные исключения не могут поколебать истинность правила, однако характеристика "всегда" скорее преобразуется в более осторожный вариант "почти во всех случаях". Примеры такого рода свидетельствуют о подвижности границ между понятиями абсолютной и относительной инвариантности (соответственно между понятиями общего и основного значения).

3.3. В ряде случаев вопрос о том, как трактовать данное значение грамматической формы – как общее или как основное, допускает различные решения. Один из факторов, обуславливающих множественность решений, – возможность анализа либо на основе понятия привативной оппозиции (корреляции), либо на базе понятия эквиποлентной оппозиции. Приведем пример. Р.О. Якобсон трактовал глагольную форму второго лица ед. числа как беспризнаковый член корреляции, значение которого сводится к отсутствию признака отнесенности действия к говорящему лицу – того признака, который присущ форме первого лица. Признавая тот факт, что форма второго лица употребляется преимущественно для выражения отношения к адресату, Р.О. Якобсон все же полагает, что при решении вопроса об общем значении формы статистический критерий неприменим. Отнесенность действия к адресату трактуется лишь как одно из частных значений данной формы. Оно сопоставляется с другими частными значениями, определяемыми контекстом – значением отнесенности к любому

лицу (*умрешь – похоронят*) и значением отнесенности к говорящему (*выпьешь, бывало*) [Якобсон 1985 и : 215–216].

Представляется возможным другой подход к определению значения рассматриваемой формы. Можно предположить, что формы первого и второго лица находятся в отношении эквиолентной оппозиции. Дальнейшие рассуждения таковы. Форма первого лица обладает признаком "участие говорящего". Налицо общее значение, т.е. абсолютный инвариант. Что же касается формы второго лица, то ее значение трактуется не как общее, а как основное. Данная форма как элемент эквиолентной оппозиции наделяется собственным положительным признаком – "участие адресата". Признается, что выражение этого признака распространяется не на все типы функционирования рассматриваемой формы: за пределами сферы реализации данного признака остается обобщенно-личное значение (*Что посеешь, то и пожнешь*): это значение относится к периферии анализируемого семантического пространства.

Преимущество такого решения данного вопроса заключается в том, что выражаемое при употреблении формы второго лица значение отнесенности действия к адресату не "теряется в общей массе" частных значений: оно приобретает системно-категориальный статус, что, на наш взгляд, соответствует языковым и речевым фактам.

Следует, однако, заметить, что в трактовке значения формы второго лица на основе принципа корреляции, т.е. как беспризнакового (семантически немаркированного) члена привативной оппозиции, есть и сильные стороны. Обобщенно-личное употребление формы второго лица ед. числа всегда имплицитно элемент "участие говорящего". Это относится не только к случаям типа *Идешь, бывало...*, но и к "общим истинам" типа *Плечью обуха не перешибешь*; обобщенный опыт представлен в таких высказываниях как включающий и опыт говорящего: "так бывает со всеми и со мной в том числе". Элемент "участие говорящего" представлен здесь как тонкий нюанс языковой семантической интерпретации обобщенно-личного смыслового содержания, но тем не менее он представлен (как импликация). Подобные импликации характерны для семантически немаркированных (беспризнаковых) членов привативных оппозиций.

Таким образом, вопрос об интерпретации значения формы второго лица – либо как общего (значение немаркированного члена привативной оппозиции), либо как основного (значение одного из членов эквиолентной оппозиции в условиях относительной инвариантности) – вряд ли может быть решен однозначно (по крайней мере на современном этапе исследований и теоретических поисков). Подобные ситуации анализа встречаются довольно часто. Они отражают не только различия в теоретических подходах, но и проявления континуальности в самом предмете грамматического описания.

*

Для реализации категориальных грамматических значений как абсолютных или относительных инвариантов существенны такие факторы, как функция речевого акта (информация о факте, описание, повествование и т.п.) и соответствующий тип речи (ситуативно актуализированной/неактуализированной). Функция, реализуемая в речи, может существенно изменить системное значение, заложенное в грамматической форме. В условиях множественности типов взаимодействия системы и среды при многообразии функций высказывания и целостного текста, включающего грамматические формы с их категориальными значениями, эти значения не могут быть однообразными по своей структуре. Множественность возможных типов системно-структурной организации категориальных грамматических значений – естественное следствие многомерности соотношения системы языка и системы речи.

Осмысление связи внутрисистемного (системно-языкового) и функционального (обращенного прежде всего к речи) аспектов дихотомии инвариантности/вариативности в

трудах Р.О. Якобсона приобретает особую актуальность на современном этапе развития лингвистических исследований. Если соссюрианская и постсоссюрианская лингвистика была обращена прежде всего к языковой системе, то современная лингвистика во все большей мере концентрирует внимание на системе речи. Сама по себе эта тенденция закономерна и перспективна, однако некоторые ее проявления отличаются односторонностью: анализ дискурса и целостного текста, изучение речевой деятельности и ее результатов нередко оказывается изолированным от познания фундаментальных свойств и закономерностей языковой системы. Учение Р.О. Якобсона, представляющее собой одно из наиболее значительных достижений системно-функционального направления в лингвистике XX в., отличается после-довательной ориентацией на связь системы языка и системы речи (мы имеем в виду и работы по поэтике). Концепция Р.О. Якобсона – один из немногих примеров гармонии в лингвистической теории, стремящейся охватить комплекс аспектов структуры и функции. Актуальность этой ориентации теоретического анализа в наши дни трудно переоценить, поскольку результаты, достигнутые в сфере лингвистики речи, настоятельно требуют особого внимания к анализу (на современном уровне) языковой системы. Связи речи и языка, исполнения и компетенции оказываются в настоящее время наиболее трудными и, на наш взгляд, наиболее актуальными проблемами современного языкознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адмони В.Г. 1975 – Статус обобщенного грамматического значения в системе языка. ВЯ. 1975. № 1.
 Адмони В.Г. 1979 – Структура грамматического значения и его статус в системе языка // Структура предложения и словосочетания в индоевропейских языках. Л., 1979.
 Адмони В.Г. 1988 – Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. Л., 1988.
 Адмони В.Г. 1994 – Система форм речевого высказывания. СПб., 1994.
 Аксаков К.С. 1860 – Опыт русской грамматики. Ч. I. Вып. 1. М., 1860.
 Аксаков К.С. 1875 – Полн. собр. соч. Т. II. Ч. 1: Сочинения филологические. М., 1875.
 Бондарко А.В. 1971 – Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
 Бондарко А.В. 1978 – Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
 Бондарко А.В. 1981 – О структуре грамматических категорий (отношения оппозиции и неопозитивного различия) // ВЯ. 1981. № 6.
 Бондарко А.В. 1985 – Опыт лингвистической интерпретации соотношения системы и среды // ВЯ. 1985. № 1.
 Демяньков В.З. 1995 – Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века. М., 1995.
 Курилович Е. 1955 – Заметки о значении слова // ВЯ. 1955. № 3.
 Курилович Е. 1965 – О методах внутренней реконструкции // Новое в лингвистике. Вып. 4. М., 1965.
 Лакофф Дж. 1988 – Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М., 1988.
 Некрасов Н.П. 1865 – О значении форм русского глагола. СПб., 1865.
 Пенчиковский А.М. 1956 – Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-ое. М., 1956.
 Плунгян В.А. 1992 – Глагол в агглютинативном языке (на материале догон). М., 1992.
 Потемкина А.А. 1958 – Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958.
 Трубецкой Н.С. 1960 – Основы фонологии. М., 1960.
 Фортунатов Ф.Ф. 1956 – Сравнительное языковедение // Избр. труды. М., 1956. Т. I.
 Шахматов А.А. 1941 – Синтаксис русского языка. Л., 1941.
 Якобсон Р.О. 1972 – Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.
 Якобсон Р.О. 1985а – Речевая коммуникация // Избр. работы. М., 1985.
 Якобсон Р.О. 1985б – Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Избр. работы. М., 1985.
 Якобсон Р.О. 1985в – Морфологические наблюдения над славянским склонением // Избр. работы. М., 1985.
 Якобсон Р.О. 1985г – О лингвистических аспектах перевода // Избр. работы. М., 1985.
 Якобсон Р.О. 1985д – Звук и значение // Избр. работы. М., 1985.
 Якобсон Р.О. 1985е – Часть и целое в языке // Избр. работы. М., 1985.
 Якобсон Р.О. 1985ж – К общему учению о падеже // Избр. работы. М., 1985.
 Якобсон Р.О. 1985з – Нулевой знак // Избр. работы. М., 1985.

- Якобсон Р.О.* 1985и – О структуре русского глагола // Избр. работы. М., 1985.
- Якобсон Р.О.* 1987 – Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Работы по поэтике. М., 1987.
- Comrie B.* 1985 – Tense. Cambridge etc., 1985.
- Dahl Ö.* 1985 – Tense and aspect systems. Oxford; New York; Blackwell, 1985.
- Lakoff G.* 1988 – Cognitive semantics // U. Eco, M. Santambrogio, P. Violi (eds.). Meaning and mental representations. Bloomington, 1988.
- Leech G.N.* 1971 – Meaning and the English verb. L., 1971.
- Travaux...* 1966 – Travaux linguistiques de Prague. 2. Les problèmes du centre et de la périphérie du système de la langue. Prague, 1966.